

Повелитель праха

Кафке Жозеф

20.07.06

В новом спектакле **Жозефа Наджа** человек — сам себе Адам и сам себе Творец

Известия - 2006 - 20 июля - с. 7

На главной площадке фестиваля — во дворе Папского дворца — под свинцовым грозовым небом сыграли премьеру спектакля Жозефа Наджа «Асобу». Гроза разразилась минуте на пятнадцатой. Из-за проливного дождя представление пришлось остановить, потом тоже под дождем, но уже не проливным, возобновить. Танцовщики на сцене и зрители в амфитеатре вымокли до нитки, но у первых хватило сил доиграть спектакль до конца, а у вторых — устроить овацию.

Марина Давыдова Авиньон

С недавних пор у Авиньонского фестиваля кроме директоров-администраторов появились еще и авторы программы — не чиновники от искусства, но именитые режиссеры. Они меняются каждый год. За Авиньон-2006 отвечает Жозеф Надж. Поскольку прославленный француз сербо-венгерского происхождения не раз бывал в России, представлять его нет нужды. Но есть необходимость кое-что в связи с ним уточнить. Надж всегда числился по ведомству модерн-данс, но никогда не был хореографом в строгом смысле слова. Кем он был и остается — сложный вопрос. Пожалуй, все же художником.

В спектакле «Пасо Добль», тоже включенном в программу Авиньона-2006, он и приглашенный им в проект скульптор Мигель Барсело не выходят, а буквально пробиваются на сцену через глиняную

стену — тугую, но податливую. Пол тут тоже глиняный, мягкий. И вот два человека на глиняной земле, два Адама, два пахаря и гончара, начинают творить. Вдохновенно лепят что-то. Покрывают глину узорами. Оставляют на ней отпечатки ног, локтей, лица. Обрабатывают ее мотыгой. Бросаются ею. Врастают в нее. «Мы оставим след на земле, потому что мы люди, а не города», — сказал как-то парадоксалист Ионеско. Надж и Барсело оставляют след. Чтобы потом, опять пробившись сквозь глину, но уже не с той, а с этой стороны, навсегда исчезнуть за стеной. Сами себе Адамы и сами себе Творцы, из глины созданные и в глину обратившиеся. Пробившиеся на часок с того света на этот. Так и не постигшие, но все же изменившие его. «На стекла вечности уже легло мое дыхание, мое тепло...»

Слово «художник» в отличие от слова «хореограф» имеет кроме узкого еще и широкое толкование. И Надж конечно же

художник в широком смысле. Произведения своих любимых Бюхнера, Кафки, Бруно Шульца он тоже воспринимал всегда как глину, из которой можно вылепить все что угодно. Не как пространство для толкований, а как трамплин для полета фантазий. Он одним из первых в современном театре (и, пожалуй, талантливее других) зафиксировал превращение режиссера из интерпретатора — пусть самого что ни на есть раскрепощенного — в демиурга, свободно и вдохновенно сочиняющего спенический мир, а потом дивящегося тому, что у него получилось.

Сыгранный в Папском дворце «Асобу» — дань памяти Анри Мишо, мало известному у нас и высоко чтимому в Европе художнику и поэту, близкому сюрреалистам, но ни к ним, ни к кому другому так и не примкнувшему. Способ его жизни в искусстве, пожалуй, ближе всего Наджу. Процесс мышления, рисования, сочинения у Мишо важнее результата. Все окончательно зафиксированное живо. Любое высказывание содержит в себе противоречие. А если не содержит, то грош ему цена.

Надж тоже любитель выстраивать театральные антиномии и балансировать на грани смыслов. Неслучайно, в спектакле «Асобу» (в переводе с японского — «игра») из шестнадцати танцовщиков четверо — бритоголовые исполнители японского танца буюто, как нельзя лучше соответствующего этой его особенности. Ведь буюто — стиль, не имеющий стиля. В нем танцовщики тоже словно из глины, и во что превратятся их тела в следующий момент, можно только гадать.

Так же как можно гадать, кто управляет ими. Уж точно не высшие силы. Ибо художественное пространство Наджа — предельно антропоцентрично. Человек есть мера всех вещей. Не он создан Творцом, а Творец придуман им. И если присмотреться повнимательнее, это пустая придумка. В самом начале спектакля за столом сидит Некто с замотанным бинтом лицом. Четверо людей то ли хоронят его, то ли воздают ему почести. Он то ли покойник, то ли Бог. Потом понимаешь — все же Бог. Просто Бог — мертв. В конце спектакля бинт размотают — а под ним деревянное идолище. Все игры человека, все его ритуалы, его грехи и возвышенные порывы, его танцы, наконец (а «Асобу», надо сказать, самый хореографичный из спектаклей Наджа: такой экспрессивно танцующей массовки я лично у него не припомню), — все это происходит в присутствии равнодушного истукана. То ли в честь его, то ли ему в укор.

Ведь если Бог мертв, недвижим, бесплоден, человек сам должен взять на себя его функции — вот главный посыл Наджа. Здесь на сцене он чувствует себя властелином. Творцом в отсутствие Творца. Повелителем глины. Повелителем тела. Повелителем праха. Порой кажется, что если бы не фантастический, неисчерпаемый его талант, еще немного — и Повелителем мух.